

И.С. Хугаев

БОЖИЙ БИЧ И БОЖЬЯ РОСА: К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ

И.С. Хугаев*

Я никогда не был во Франции. Теперь, очевидно, никогда и не буду. Ее у меня похитили.

Как всегда, реальность демонстрирует тонкие соответствия с мифологическими и литературными образами. Я именно сравнил бы исторический момент с античным сюжетом похищения Европы, финикийской царевны, громовержец Зевсом в облике водоплавающего белого тельца с рогами «изогнутыми, как молодой месяц» (!) (<http://www.grekomania.ru/articles/mythology/158-kak-zevs-pohitil-evropu>), который, превратившись позже в юношу вида прекрасного, обладал ею на твердой почве предания.

Другое условие аналогии связано с субъективным состоянием похищенных: обе Европы накануне похищения беззаботно пели и плясали на цветочных лужайках, пили нектар и вязали веночки. Хотя первой было дано предостерегающее сновидение, а второй – предостерегающие трактаты ее честных политиков, ученых и поэтов. Первая пребывала в восхищении от собственного похитителя (заметьте на всякий случай корневой формант понятия: восхищение, похищение, хищение, хищник; хищник не только похищает, но и восхищает; чтобы похитить, нужно сперва восхитить), вторая – в прекраснодушном полубабытьи, в нарциссическом восхищении самой собой, своей снисходительностью и толерантностью к праздно шатающимся тельцам и дельцам.

Толерантность обернулась ее проклятьем. И не могло быть иначе, потому что она, либертарианская толерантность, встала на место выскательной христианской любви. Ницше когда-то написал саркастически: «"Возлюби ближнего своего": это значит прежде всего – оставь ближнего своего в покое» («Злая мудрость») (<http://lib.ru/NICSHE/mudrost.txt>). Но Европа, кажется, поняла это слишком буквально.

Хотя социологи оговариваются на тот счет, что «толерантность не равносильна безразличию» и «не означает принятия иного мировоззрения или образа жизни», а «заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением» (В.Э. Франкл);

что «под толерантностью не подразумевается уступка, снисхождение или потворство», что она «также не означает терпимости к социальной несправедливости (подозрительно много оговорок! – **И.Х.**), отказа от своих убеждений или уступки чужим убеждениям» (Г.А. Рамазан), – очевидно, что она не может со временем не деградировать в сторону сначала безразличия, а потом и взаимного отчуждения и ненависти. Иначе не возникла бы с такой неизбежностью коллизия между демократией и безопасностью.

Что такое толерантность? В обширном ряду значений этого термина (лат. *tolerantia* – терпение, принятие и др.) есть одно настораживающее и смущающее: именно «добровольное перенесение страданий» (<https://ru.wikipedia.org/wiki>). Терпение – прекрасное качество, но только до тех пор, пока терпеливый не становится потерпевшим. Допускаю даже, что и способность к добровольному перенесению страданий может вызывать уважение (если вспомнить, например, христианских аскетов), – но до тех пор, пока оно не перерастает в садомазохизм.

Психологически толерантность сближается с другими, более древними философиями – с доктриной ненасилия (непротивления злу насилием) и пацифизма. Они-то и стали (в ту эпоху просто не было понятия толерантности) предметом художественного осмысления в оригинальной сатирической балладе Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) [«Великодушие смягчает сердца»], написанной задолго до того, как европейское великодушие достигло современных гротескных кондиций:

*Вонзил кинжал убийца нечестивый
В грудь Деларю.*

*Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво:
«Благодарю».*

*Тут в левый бок ему кинжал ужасный
Злодей вогнал,*

*А Деларю сказал: «Какой прекрасный
У вас кинжал!»*

Тогда злодей, к нему зашедши справа,

* Хугаев Ирган Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

*Его пронзил,
А Деларю с улыбкою лукавой
Лишь погрозил.
Истыкал тут злодей ему, пронзая,
Все телеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
К нам в три часа».*

По Европе прокатилась волна терактов. В ноябре прошлого года был расстрелян Париж, в марте этого – взорван Брюссель, сердце Европейского Союза... Выяснилось, что братья, взорвавшие брюссельский аэропорт, уже были судимы за грабеж и разбой и были освобождены условно-досрочно, потом были замечены в связях с экстремистскими организациями (информация в различных источниках варьируется, но суть от этого не меняется), – и, тем не менее, пользовались полной свободой и благами цивилизации. Какая удивительная толерантность! Если бы их можно было воскресить, то непременно воскресили бы ради полного торжества толерантности. И посадили бы их к знаменитому Брейвику, чтобы тот не скучал. Чтобы они вместе кушали попкорн у телевизора в пятизвездочной тюрьме.

Сатира Толстого на этом не заканчивается. Деларю выказывает не только необычайную толерантность, но и живучесть (если не бессмертие), а Злодей – необычайное раскаяние (впрочем, не стоит и нам преждевременно этим прельщаться):

*Злодей пал ниц и, слез проливши много,
Дрожал, как лист,
А Деларю: «Ах, встаньте, ради бога!
Здесь пол нечист».
Но все у ног его в сердечной муке
Злодей рыдал,
А Деларю сказал, расставя руки:
«Не ожидал!
Возможно ль? Как?! Рыдать с такую силой?–
По пустякам?!
Я вам аренду выхлопочу, милый, –
Аренду вам!
Через плечо дадут вам Станислава
Другим в пример.
Я дать совет царю имею право:
Я камергер!
Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вам тысяч сто.
А вот пока вам мой портрет на память, –
Приязни в знак.
Я не успел его еще обрамить, –
Примите так!»*

Не удивительно ли? Сегодня стали открыто говорить о том, что до недавнего времени европейские государства откупались от террористов

и арендой, и кредитными билетами, и, вероятно, памятными портретами «приязни в знак»...

Сразу после бельгийских взрывов в Интернете было размещено «селфи Меркель со смертником из Брюсселя» (http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201603260414-4k33.htm). Позже, слава Богу, было и опровержение (http://news.rambler.ru/head/33162810/?track=main_topnews2). Но я успел-таки ужаснуться (и, пожалуй, восхититься) такому дьявольски изощренному повороту сюжета, который ни один Стивен Кинг не изобретет, не то что Толстой. Это иезуитство привело мне на память предсмертную фотографию Джона Леннона, на которой он запечатлен со своим ехидным убийцей, берущим у него автограф за несколько часов до предательского выстрела. «Бедная "мама Меркель"! – подумал я, глядя на это селфи. – Мыслимо ли откупиться от грабителей гостеприимством?»

Если ты купаешься в роскоши, если ты пресыщен до отрывки в мире нищих и голодных, нельзя быть свободным от страха. За наслаждения человек платит деньгами, а за деньги – страхом. Не Божьим, а суетным, ничтожным, унижительным.

Терроризм означает, что мир болен: это симптом болезни не какой-то отдельной религии, культуры или народа – это симптом нашего общего смертельного недуга. Индикатор. В этом смысле он будет и полезен, как это ни странно и ни цинично утверждать. Это наш общий бич Божий. Божий бич для тех, в ком нет Божьего страха...

Что там, однако, дальше у Толстого?

*Тут едок стал и даже горче перца
Злодея вид.
Добра за зло испорченное сердце
Ах! не простит.
Высокий дух посредственность тревожит,
Тьме страшен свет.
Портрет еще простить убийца может,
Аренду ж – нет.
Зажглась в злодее зависти отрава
Так горячо,
Что, лишь надел мерзавец Станислава
Через плечо, –
Он окунул со злобою безбожной
Кинжал свой в яд
И, к Деларю подкравшись осторожно, –
Хватя друга в зад!
Тот на пол лег, не в силах в страшных болях
На кресло сесть.
Меж тем злодей, отняв на антресолях
У Дуни честь, –
Бежал в Тамбов, где был, как губернатор,
Весьма любим.
Потом в Москве, как ревностный сенатор,
Был всеми чтим.
Потом он членом сделался совета
В короткий срок...
Какой пример для нас являет это,
Какой урок!*

Являет ли? Конечно. Для всех нас: и Вашингтона, и Брюсселя, и Москвы. Ибо русская топонимика Толстого условна, как и французская фамилия героя (между тем его обидчик – заметьте – дан вне всяких опознавательных этнокультурных маркеров: просто Злодей, с большой буквы).

Еще не обуял Россию толерантный дух. Все еще россияне способны быть нетерпимы – нетолерантны! – к пороку и предательству. Ибо толерантность – то самое равнодушие людей, с молчаливого согласия которых творятся на земле все злодейства.

Один польский товарищ, завсегдагай российского ТВ, повадился лукаво вопрошать, думая, что его вопрос сразит наповал любого оппонента: «Если вы такие хорошие, то почему вас никто не любит?!» Да именно потому, что мы хорошие! Вы бежите от нас, как черт от ладана. Потому что легче быть плохим, чем хорошим. Вот что такое ваша русофобия. Легче быть толерантным, чем честным к себе и окружающим. В России тоже есть грех и грешники. Но Россия не потворствует греху.

Впрочем, ему хоть плюй в глаза – все Божья роса. Главное для либерала – высказаться, реализовать право голоса. Вот они и продолжают с бессмысленным упорством увещивать нас покаяться и стать, наконец, как все нормальные толерантные люди. Они выставляют Россию страшной ханжой и ретроградов, лишенных фантазии, в представлении которых мужчина должен быть мужчиной, а женщина – женщиной: подумать только, какая безысходность!

Когда злодеи отнимали у немцев честь на антресолях, – бравые немцы, потомки Барбароссы и Бисмарка, надели юбки. Остается уточнить, кого к кому они приревновали: своих женщин к злодеям – или злодеев к своим женщинам.

Я некрещеный. Меня нельзя упрекнуть в предвзятости. Я очень толерантный человек. Я, если угодно, в равной мере толерантен к христианству и исламу. Единственное, к чему я не толерантен, – это толерантность.

«Великодушие смягчает сердца»? Как бы не так. На толерантных воду возят! И я тоже, как видите, вожу и лью воду. «Испорченное сердце» мстит и за добро, ему причиненное: вот одна из главных мыслей Толстого.

Ссылка на Нагорную проповедь, где Иисус заповедовал: «...кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф (V, 39)), – актуальна лишь тогда, когда ты хорошо помнишь, что у тебя есть только две щеки. Или когда у тебя связаны руки. Разве Христос был толерантен, пока не был связан? Почему же Он не остался толерантен к существующим до Него порядкам? Разве не принес Он с крестом и меч на землю? Разве Он не погнал торговцев из храма, как полномочный и жестокий диктатор, – плеткой и бранью?... Сорок дней искушал Иисуса Сатана

в пустыне – не либеральными ли идеями: дескать, тебе что, больше всех надо? – откажись от служения – и все у тебя будет тип-топ. А Он ему: «Отойди от меня»...

Обратите внимание на карьерный рост Злодея в сюжете Толстого. Толстой, как любой настоящий художник, ничего не выдумывает: сюжет растет сам из себя, подчиняясь творческой диалектике и законам художественной правды, в которой нам концентрированно бывает явлена неотвратимая правда жизни.

Борьба религий также закономерна и естественна, как соперничество государств, как любая борьба идей – в науке, искусстве и политике. Но страшно, что Европа сдается без борьбы: негата толерантности лишила ее воли к сопротивлению. Она исламизируется прямо пропорционально дехристианизации.

Патриарх Кирилл недавно сказал: «Права человека – революция против Бога» (<http://www.rosbalt.ru/moscow/2016/03/20/1499460.html>). В богоотступнической Европе может естественным образом воцариться новая религия, и мусульмане уже правомерно – и с политической, и с моральной точки зрения – претендуют на власть. Депутат брюссельского городского собрания говорит: «Мы должны привлечь на свою сторону людей, заставить их понять преимущества исламского образа жизни; тогда для них станет абсолютно естественным следовать исламским законам и мы постепенно станем исламским государством». «Бельгия?..», – спрашивает интервьюер. «Конечно, Бельгия. Я – сторонник шариата. Эта борьба будет долгой. Она займет десятилетия, а может быть, и века, – но начало положено» (<https://www.youtube.com/watch?v=jNbODPSXJqw>).

Вот так, господа прекраснородушные и политкорректные либералы. Если вы убираете со своих площадей рождественские елки, будьте уверены, что на их месте пустят корни другие культурные насаждения. Свято место пусто не бывает.

Теперь становится понятен и Шпенглер со своим «Закатом Европы», который он написал сто лет назад...

Старый Свет. Угасающий Свет. Закат. Самое время для сказки (не все же вас классиками потчевать).

Жили-были Лиса да Заяц. У Лисы была избенка ледяная, у Зайца – лубяная. Пришла весна красна (читай – арабская) – у Лисы избенка растаяла, а у Зайца стоит по-старому. Вот Лиса и попросилась у него переночевать, да его из избенки и выгнала...

Впрочем, вы знаете продолжение. Если европейская демократия не одолеет террор, то его одолеет европейский фашизм.

Эх, плакала моя Франция...